

Сиповский Василий Васильевич

**Из истории русского романа и
повести**

Часть первая: XVIII век

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
С39

Сиповский Василий Васильевич
С39 Из истории русского романа и повести: Часть первая: XVIII век / Сиповский
Василий Васильевич – М.: Книга по Требованию, 2012. – 352 с.

ISBN 978-5-458-01785-5

Материалы по библиографии, истории и теории русского романа.

ISBN 978-5-458-01785-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

№ 168; 168, № 168; 169, № 156; 170, № 184; 171, № 203; 175, № 327; 176, № 394; 177, № 449; 178, № 467; 180, № 492; 180, № 630; 180 № 650; 181, № 631. 181, № 666; 184, № 874, 185, № 874; 186, № 982; 194, № 1126; 197, № 1136; 201, № 1416; 203, № 1593; 204, № 1719).

Поэтому принести *пользу* книгой (напр. стр. 173, № 262; № 265; 184, № 874; 189, № 1012; 212, № 1397)—главное желаніе многихъ авторовъ и переводчиковъ; нѣкоторые переводчики смотрятъ на свой трудъ не болѣе, не менѣе, какъ на *услугу* отечеству (стр. 172, № 229; 173, № 262; 178, № 467). Съ точки зрѣнія XVIII вѣка, чтеніе такихъ романовъ должно было благотворно подѣйствовать на читателей, — отсюда восхваленіе «хорошихъ» романовъ и порицаніе «дурныхъ», тѣхъ, которые отличались фривольностью (стр. 162, № 65; 163, № 81; 181, № 650; 182, № 704; 177, № 449): сочиненій второго рода было много на иностранныхъ языкахъ, но очень мало переводилось на русскій языкъ,—они разсчитаны были на низменные вкусы толпы. Не они вели исторію романа, тѣмъ не менѣе страхъ передъ ними былъ въ критикѣ очень силенъ,—оттого было столько враговъ чтенія романовъ вообще (стр. 201, № 1416; 206, № 1797, 162, № 65, 197, № 1136). Нравоучительный романъ развился изъ увлеченія моралью: духовенство упустило изъ рукъ управленіе сердцами человѣческими, — взялась за это литература. Въ тотъ моментъ, когда русскій романъ органически примкнулъ къ роману европейскому, тамъ увлеченіе моралью уже ослабѣвало, — вотъ почему, рядомъ съ опредѣленными моральными тенденціями, мы встрѣчаемъ требованье, не разъ повторенное, чтобы мораль эта, подносимая въ романахъ, не была слишкомъ «строга», слишкомъ суха и сурова (стр. 174, № 281; 198, № 1136, 208, № 1872); еженедѣльные моральные изданія, одно время наводнившія всю Европу, встрѣчаютъ теперь осужденіе (стр. 177, № (449): чтеніе должно было быть не только «полезно», но и «пріятно» (стр. 164, № 119; 167, № 168; 168, № 168; 169, № 156; 170, № 196; 171, № 184; 181, № 650; 181, № 666; 184, № 874; 185, № 982; 186, № 982; 194, № 1054; 195, № 1129; 197, № 1136; 200, № 1490; 202, № 1446; 203, № 1593; 205, № 1797; 206, № 1797; 213, № 1397). Теперь мораль должна была преподноситься «замаскированной» (стр. 198, № 1136; 200, № 1490; 204, № 1593; 211, № 1252), въ «примѣрахъ» (стр. 182, № 704; 185, № 845; 188, № 982; 189, № 959; 191, № 1012; 201, № 1490). Теперь факты не подгонялись подъ нее, какъ прежде, — она должна была свободно, безъ насилія надъ читателемъ, вытекать изъ фактовъ (стр. 211, № 1252); она должна была быть проста и жизненна (стр. 188, № 982),—въ вѣкъ преклоненія передъ «естественнымъ разумомъ», «естественной религіею» (стр. 183, № 770;

211, № 1252), когда чувство ставилось выше разума (196, № 1138), иначе дѣло обстоять и не могло. Изображеніе торжества добродѣтели и наказаніе порока, яркая картина паденія «зла»—вотъ, то осторожное нравоученіе, которое вытекало изъ этихъ романовъ (стр. 175, № 322; 173, № 265; 212, № 1397). Возбужденіе чувствительности читателя сценами трогательными и поднимающими душу—вотъ, средство воздѣйствовать на читателя (стр. 171, № 189; 174, № 287). Иногда впрочемъ, нравоученіе преподносилось и при помощи сатиры, при помощи обличенія отвратительныхъ сторонъ жизни человѣческой (стр. 180, № 517), или чрезъ сгущеніе красокъ при изображеніи отрицательныхъ явленій (стр. 195, № 1142; 207, № 1785; 211, № 1249).

Естественно при этомъ было стремленіе обставить нравоученіе такъ, чтобы оно доказывалось фактами болѣе вѣроятными,—поэтому понятна была тенденція придать содержанію романа болѣе достовѣрности, правдоподобія (стр. 163, № 81; 161, № 173). — отсюда, болѣе или менѣе, сознательное, но, замѣтно, все усиливающееся тяготѣніе къ реализму (стр. 164, № 115; 165, № 144; 166, № 137; 167, № 137; 167, № 168; 196, № 1136), а, вмѣстѣ съ этимъ, и яркой демократизаціи содержанія. Во многихъ предисловіяхъ вполне опредѣленно сказался этотъ перевѣсъ отъ нравоученія къ реализму (стр. 165, № 144; 166, № 137; 167, № 137; 168, № 168; 174, № 292), когда «примѣръ», игравшій только что служебную роль по отношенію къ нравоученію, начиналъ понемногу занимать первое мѣсто, — вотъ почему теперь «мораль» или открыто признается излишней (стр. 199, № 1377), или словно насильно притягивается къ роману: онъ уже отказался отъ служенія ей, но авторъ, или переводчикъ, по старой памяти, еще пытаются доказать, что цѣли романа по прежнему учительныя (стр. 173, № 262; 173, № 265; 175, № 327; 175, № 334; 187, № 982; 211, № 1246); поэтому не только Лесажъ, и Фильдингъ, представители «нравоописательныхъ» романовъ, попали въ число «нравоучительныхъ» романистовъ,—но и Луветь де Кувре, съ его фривольнымъ романомъ: «Приключенія Фобласа» (199, № 1377). Стремленіе къ реализму *содержанія* приводило къ реализму *формы*,—явилась потребность отказаться отъ вычурнаго, холоднаго и однообразнаго стиля, отъ искусственныхъ построеній псевдоклассическаго романа—отсюда простота языка, живость и разнообразіе содержанія выставлены, какъ новыя требованія (стр. 167, № 168; 184, № 874; 188, № 982; 199, № 1377; 206, № 1797).

Нравоученіе, очевидно, давило художника (стр. 183, № 773). Еще одинъ шагъ—и художественный реализмъ вступаетъ въ полныя права: въ предисловіяхъ мы встрѣтимъ ясныя требованія рисовать жизнь, *какъ она есть* (стр. 166, № 144; 166, № 137; 180, № 558; 183, № 713; 183, № 782; 184, № 874; 188, № 982; 188, № 956; 190, № 1012;

194, № 1126; 199, № 1377; 201, № 1480; 202, № 1480; 205, № 1797; 206, № 1797; 207, № 1197; 170, № 196; 171, № 189; 174, № 292; 210, № 1299); вмѣсто подтасовки жизни въ угоду морали, мы встрѣтимъ теперь правдивыя признанія, что мораль въ жизни играетъ жалкую роль, такъ какъ между «знать» и «дѣлать»,—цѣлая пропасть (стр. 200, № 1490), что добро и зло равносильны въ природѣ (стр. 166, № 144; 176, № 379); герой новаго романа—уже не совершенство: въ его сердцѣ живетъ рядомъ и добро, и зло (стр. 165-6, № 144); его душу мучатъ «противорѣчія», незнакомыя его предкамъ (стр. 200, № 1490; 209, № 1944). На романъ теперь въ критикѣ смотрятъ, какъ на *изображеніе жизни* (стр. 176, № 434, 449), польза его заключается въ томъ, что онъ знакомитъ насъ съ важнѣйшими явленіями дѣйствительности,—этимъ сокращаетъ опыты жизни (стр. 190, № 1012). Романы Фильдинга, въ этомъ отношеніи, поставлены были очень высоко (стр. 173, № 265; 174, № 269; 175, № 327; 209, № 1944): они были признаны образцовыми среди тѣхъ «англійскихъ» романовъ, которымъ вообще суждено было въ концѣ XVIII в. стать во главѣ этого жанра въ Европѣ. Вотъ почему въ «предисловіяхъ» ясно сказалось это порабощеніе «новому» англійскому роману: Ричардсонъ, съ его настойчивою моралью, поставленъ ниже Фильдинга и Гольсмитта, которые умѣли, не навязывая морали, освѣтить дѣйствительную жизнь мягкимъ свѣтомъ гуманности *) (стр. 197, № 1136): въ этихъ «новыхъ» романахъ герои, уже не отвлеченныя понятія, не манекены съ этикетками на лбу—это сильныя личности, которыя побѣждаютъ «рокъ» (стр. 179, № 492; 191, № 1012); они безъ усилій со стороны автора, единственно своей жизнью доказываютъ, что христіанская «добродѣтель» выше языческой «судьбы» (стр. 208, № 1944). Немудрено, что, уводя читателя изъ пестраго міра авантюръ, сосредоточивая его вниманіе на той борьбѣ, которая начиналась и кончалась въ душѣ героя, новый романъ поставилъ передъ собою прежде всего психологическія проблемы; въ ложно-классическомъ романѣ психологія имѣла внѣшній, описательный характеръ (напр. стр. 161, № 2),—въ новомъ романѣ вскрывались тайники души (стр. 210, № 1247). «Узнавать» людей (стр. 201, № 1490), ихъ сердца (стр. 209, № 1247), детально описывать отгѣнки души (стр. 167, № 137).—вотъ его задачи. «Англійскій» романъ создалъ цѣлую школу, которая и заключаетъ собою исторію интересующаго насъ жанра въ XVIII в. Въ «предисловіяхъ» къ переводнымъ романамъ ярко обрисовывается герой этого «англійскаго» типа (стр. 179, № 492; 183, № 782; 200, № 1490; 196, № 1136; 207, № 1779; 212, № 1397). Правда, во

*) Встрѣчаемъ мы также восхваденія Лесажа (172, № 204; 187, № 982); и Сервантеса (187, № 982).

многихъ произведеніяхъ онъ теряетъ свои «англійскія» черты и приобрѣтаетъ не менѣе правдивыя, но болѣе неясныя очертанія «прекраснодушнаго» юноши конца XVIII в. (стр. 202, № 1471; 200, № 1490; 179, № 467, 195, № 1110; 198, № 1136).

Такимъ образомъ, предисловія даютъ намъ довольно красноорѣчивую картину нѣсколькихъ моментовъ въ исторіи того европейскаго романа, который коснулся насъ въ XVIII в. (стр. 186, № 982; 202, № 1405) Рыцарскій романъ остался совершенно въ сторонѣ, — на него, равно какъ на волшебныя сказки мы встрѣчаемъ лишь нападки (стр. 182, № 713; 187, № 982; 193, № 1126; 207, № 1797; 209, № 1944; 187, № 982). Герой волшебнаго романа, эта безпомощная игрушка въ рукахъ волшебниковъ и фей, теперь кажется жалкимъ и неинтереснымъ (стр. 187, № 982). Старый псевдоклассическій романъ, судя по предисловіямъ, окаменѣлъ и пересталъ развиваться: по крайней мѣрѣ, до насъ дошли лишь попытки дать теорію этого романа (стр. 160, № 4), дошли характеристики «постоянныхъ типовъ» этого романа (стр. 160, № 4; 161, № 4; 176, № 394; 196, № 1136; 205, № 1784), дошли остатки классическихъ традицій выбирать героевъ изъ знати (стр. 188, № 982), называть ихъ классическими именами. Какъ наслѣдіе прошлаго вѣка «правиль» и «теорій», въ предисловіяхъ къ переводнымъ романамъ встрѣчаемъ мы не разъ попытки создать теорію романа «нравоучительнаго» и «англійскаго». въ частности, установить технику его (стр. 164, № 115, 171, № 203), вообще уяснить «правила» новаго жанра (163, № 65; 163, № 79; 165, № 139; 192, № 1126; 193, № 1126; 186, № 982; 205, № 1797; 209, № 1944; 211, № 1252), Эти попытки облегчались тѣми параллелями романа съ эпопею и исторією, которыми такъ увлекались теоретики XVIII в., желаніе отграничить своему «жанру» особое мѣсто (стр. 197, № 1136; 160, № 4; 161, № 4). Наконецъ, «предисловія» къ переводнымъ романамъ интересны также и въ нѣкоторыхъ особыхъ отношеніяхъ: они даютъ любопытный матеріалъ для выясненія того творческаго процесса, въ результатъ котораго дѣйствительный фактъ (Wahrheit) обращается въ художественный образъ (Dichtung) (стр. 165, № 125; 166, № 144; 166, № 137; 168, № 167, № 169; 171, № 203; 188, № 982; 195, № 1129); даютъ они нѣкоторыя данныя для характеристики *сочинителя* романовъ, его идеаловъ и цѣлей (стр. 189, № 956; 193, № 1126; 201, № 1490; 209, № 1247; 210, № 1247), *читателя* романовъ (стр. 161—2, № 4; 171, № 189; 172, № 259; 173, № 265; 173, № 327; 179, № 501; 184, № 874; 185, № 982; 186, № 982; 188, № 982; 188, № 956; 189, № 1012; 189, № 1012; 190, № 1012; 197, № 1136; 201, № 1490; 202, № 1480; 203, № 1559; 206, № 1797; 208, № 1853) и *переводчика* ихъ (стр. 171, № 194; 173

№ 265; 204, № 1684; 168, № 168). Какъ на любопытныя частности укажемъ еще на то, что уже романъ XVIII в. зналъ, что такое *couleur locale* (стр. 204, № 1593), сумѣлъ заинтересоваться и экзотическою природою (стр. 202, № 1471), выставилъ требованіе, чтобы герой романа былъ «националенъ» (стр. 199, № 1377). Любопытны также нѣкоторыя мелочи: заступничество за негровъ (стр. 207, № 1843), протестъ противъ деспотизма власти (стр. 182, № 683).

«Предисловія» къ русскимъ романамъ даютъ намъ не менѣе цѣнные факты. Прежде всего бросается въ глаза почти полное отсутствіе нравоучительныхъ тенденцій. Правда, нѣсколько разъ говорится о томъ, что книга должна была быть полезна и пріятна (стр. 232, № 1867; 233, № 1952), что «добродѣтель» всегда торжествуетъ (стр. 218, № 276), ее не прочь иногда и восхвалить (стр. 221, № 587), но за то много разъ мы встрѣчаемъ прямое указаніе, что нравоучительныхъ цѣлей авторъ не преслѣдовалъ (стр. 215, № 187; 220, № 498; 262, № 5122), хотя его романы и вполнѣ нравственны. Разъ мы встрѣчаемъ даже выходку противъ нравоученія (стр. 215, № 188), другой разъ указаніе на то, что нравоученіе надо маскировать (стр. 214, № 188). Это тяготѣніе къ реализму сказывалось очень ярко (стр. 215, № 188, 225, № 1172; 219, № 412; 220, № 428; 224, № 1098); отсюда и обличеніе павоса и лжи псевдоклассицизма (стр. 221, № 498); отсюда критическое отношеніе къ баснословію прошлыхъ временъ (стр. 220, № 498; 221, № 803). Особенностью русскихъ предисловій надо также признать большую охоту авторовъ говорить о себѣ; они вносятъ большой субъективизмъ въ свои рѣчи (стр. 214, № 106; 214, № 117; 215, № 187; 217, № 206; 229, № 1800) охотно сообщаютъ нѣкоторыя автобіографическія данныя о своемъ образованіи, о своихъ трудахъ. Благодаря этому, мы узнаемъ, напри- мѣръ, что нѣкоторые изъ русскихъ авторовъ были изъ «низкаго» сословія (стр. 216, № 187; 224, № 1152; 225, № 1165; 227, № 1477; 228, № 1400); узнаемъ о тѣхъ побужденіяхъ, которыя заставили ихъ издавать свои труды: одни желали оказать «услугу» обществу (стр. 217, № 253; 225, № 1152; 227, № 1477; 133, № 1952), другіе работали подъ вліяніемъ высокихъ патріотическихъ чувствъ (стр. 219, № 412; 220, № 498; 221, № 498, 226, № 1172; 230, № 1811), третьи не придавали особаго значенія своему труду (стр. 226, № 1477; 233, № 1983); наконецъ, нѣкоторые выпускали въ свѣтъ свои труды только, чтобы «поучиться» (напр. стр., 216, № 187).

Любопытны свѣдѣнія о чтеніи книгъ въ русскомъ обществѣ XVIII в. (стр. 218, № 412; 219, № 412; 224, № 1152), о состояніи книжнаго рынка у насъ (ср. 231, № 1867; 232, № 1867), о большомъ числѣ романовъ у насъ (стр. 223, № 808).

Кромѣ всего этого, интересъ представляютъ нѣкоторыя данныя

касательно творчества (*Wahrheit* и *Dichtung*) (стр. 217, № 206, 217, № 234; 218, № 276; 220, № 498; 229, № 1811, 222, № 803; 232, № 1867). Любопытны указания на близость русской интеллигенции XVIII в. къ народу (напр. о значеніи русских нянь, стр. 230, № 1867; 232, № 1867), на замѣтныя симпатіи и интересъ къ «низкому» сословию (стр. 224, № 1098, № 1125).

Наконецъ, небезынтересны нѣкоторые факты, объясняющіе, какую роль играла «судьба» въ исторіи русскаго романа (стр. 214, № 106; 229, № 1609; 229, № 1811, 222, № 803), любопытны указания на заимствованія и подражанія западному роману (стр. 226, № 925; № 1172) и заключеніе, что въ романѣ ничего «новаго» быть не можетъ,—все переработка стараго (стр. 223, № 925).

Въ приложеніи 3-емъ мы привели выдержки изъ журнальныхъ критическихъ статей XVIII в.—начала XIX в., касающіяся романовъ. Мы здѣсь вышли за предѣлы XVIII в для того, чтобы уяснить, себѣ, какое значеніе имѣлъ въ глазахъ критиковъ романъ XVIII вѣка въ ту эпоху, когда уже опредѣлялось творчество Пушкина и Гоголя, когда окончательно формировался тотъ русскій оригинальный романъ, которому въ наши дни суждено играть такую роль въ Зап. Европѣ. Такимъ образомъ, эти сужденія русской и иностранной критики 20-30-ыхъ годовъ о романѣ XVIII вѣка и его ближайшихъ сосѣдяхъ — романѣ XVII и начала XIX вв. позволяютъ намъ перебросить мостъ отъ новаго русскаго романа къ старому, принадлежавшему еще XVIII вѣку.

Въ журнальныхъ отзывахъ XVIII вѣка мы встрѣчаемъ лишь случайные факты: тяготѣніе къ реализму (стр. 234, 237, 238, 236, 241 и др.), вмѣстѣ съ этимъ, отрицаніе фантастики (стр. 237); встрѣчаемъ мы мнѣнія о пользѣ и вредѣ романовъ (стр. 234, 236, 238, 239),— мнѣнія, непримиримыя и взаимно противорѣчащія; попытки дать теорію романа, или, хотя-бы, точное его опредѣленіе сводились къ опредѣленію отличія романа отъ родственныхъ ему жанровъ: поэмы и исторіи (стр. 237, 239, 240).

Любопытны типы русскихъ читателей, воспитанныхъ на романѣ (стр. 234-5, 235, 236) и изучавшихъ на немъ языкъ «страсти нѣжной» (235). Нѣкоторыя данныя по исторіи жанра (стр. 239), опредѣленіе авантюрнаго классическаго романа (стр. 241), установленіе отличій новаго реальнаго романа отъ стараго классическаго (стр. 241)—вотъ, тѣ скудные журнальные факты XVIII в., которые представляютъ интересъ. Стоитъ, впрочемъ, указать на любопытное предостереженіе не вѣрить роману вообще, такъ какъ поэзія всегда рисуеъ жизнь и деализированною (стр. 236, 237), на аристократизмъ въ отношеніяхъ къ народной поэзіи (236) и на демократическія тенденціи поклонниковъ новаго реальнаго романа (241).

Журнальные статьи начала XIX в. даютъ намъ болѣе любопытныхъ показаній. Прежде всего слѣдуетъ отмѣтить тяготѣніе къ реализму содержанія (стр. 241, 242, 245, 246, 252, 257, 273, 279, 290), естественности стиля (260) и построения (312).—тяготѣніе, впрочемъ ослабленное благодаря тому, что къ XIX в. реальный романъ фактически завоевалъ первое мѣсто. Побѣда реализма привела къ нападкамъ на авантюрный романъ (стр. 251), на романъ, построенный только на фабулѣ (284), на псевдоклассическій, за отсутствіе въ немъ народности (299). За то по прежнему восхваляется романъ англійскій (267, 251, 258, 281).

О нравоучительныхъ цѣляхъ романа указаній почти не встрѣчается: нѣсколько разъ авторы и переводчики высказывались даже противъ «нравоученія» (252, 279), или требовали «замаскированного» наставленія (243), или того, которое должно было изъ нарисованной картины явиться само собой безъ усилій автора. (251) Новый романъ брался изображать *все* (299, 261, 283, 273, 289); тоньше дѣлается въ немъ рисунокъ (272), больше обращается вниманія на детали (245, 272, 285, 296), ясно обозначается потребность выдерживать *couleur locale* (295), *couleur historique* *) (285, 289); усиливается интересъ къ психологіи: романъ дѣлается «картиной души» (243, 250), человѣческаго сердца (250, 269, 272), зеркаломъ нравовъ (252). Ричардсонъ (267, 308) и Фильдингъ (308) продолжаютъ считаться «царями» новаго романа (317), хотя предпочтеніе отдается всетаки Фильдингу (319). Кромѣ названныхъ романистовъ, встрѣчаемъ мы восхваленіе Гольсмита, Сервантеса, Рабле, Руссо, Бернардена-де-С.-Пьерра, Шатобріана; особенно выдвигается Вальтеръ-Скоттъ (290, 298), которому приписана слава «создателя» «историческаго» романа.

Наконецъ, останавливаетъ наше вниманіе то мѣсто, которое отведено роману «романтическому», назовемъ его, хотя-бы, «романомъ настроеній» (Радклифъ, Гюго и др.), такъ какъ онъ, несомнѣнно, относится къ разряду, главнымъ образомъ, импрессионистскихъ произведеній (292, 293, 313, 242). Это былъ выродокъ реального романа, отмѣченный крайнимъ индивидуализмомъ автора (288, 289, 297, 298). Этотъ романъ выдвинулъ изъ жизни явленія своеобразныя, оригинальныя, иногда чудовищныя (313), безобразныя и фантастическія (300). Такимъ образомъ, отъ нападенія на волшебныя сказки (301) литература чрезъ реальный романъ пришла опять къ фантастикѣ, если не среднихъ вѣковъ, то романтизма (293). Такъ исканіе правды, вѣчное тяготѣніе къ

---

*) Даже Вальтеръ-Скоттъ уже не удовлетворяетъ въ этомъ отношеніи нѣкоторыхъ критиковъ (285, 286)

реализму, въ разные эпохи выразившееся самымъ разнообразнымъ образомъ, въ свое время создавшее теоріи Аристотеля и Буало, привело романтиковъ къ увлеченіямъ крайнею индивидуальностью въ искусствѣ и въ жизни. Проповѣдники «свободы творчества», они пришли къ борьбѣ съ тѣми устоями эстетическими и этическими, на которыхъ всегда опирается общество, — эта масса, неизмѣнно склонная къ консерватизму. Въ погонѣ за реализмомъ, романтики стали отмѣчать въ жизни и природѣ все оригинальное, не шаблонное, а такимъ было, *съ точки зрѣнія общества*, все отрицательное, уродливое; романтики стали подчеркивать это враждебное міровому порядку, останавливаться на противорѣчіяхъ жизни. Въ результатѣ, передовые бойцы романтизма приходили всегда къ гордымъ настроеніямъ и типамъ «міровой скорби»; второстепенные бойцы не пошли дальше фантастики, или вырисовки изысканно-отрицательныхъ сторонъ жизни *).

Понятно, при такомъ быстромъ развитіи романа создать его «теорію» было невозможно: правда, сознавалась потребность «поэтики» (стр. 242, 247, 287, 254, 243), но нарождались новые виды, и «правила», годныя для старыхъ, оказывались негодными для новыхъ. Какъ на попытки создать такія теоріи, укажемъ на нѣкоторыя изъ помѣщенныхъ у насъ предисловій (247, 270, 251, особ. интер. 309—312). Рядомъ съ этими попытками, встрѣчаемъ указаніе на ненадобность «правилъ» для романа (299, 313), такъ какъ романъ, жанръ «свободный» по преимуществу, (290 291, 264, 313), отнесенъ былъ даже къ эпохѣ литографнаго «безначалія» (263).

Продолжается давнишній споръ о пользѣ и вредѣ романовъ: одни признаютъ хорошее «воспитательное» значеніе этого жанра (283), дающаго «опыты» жизни (233, 266), оказывающаго гуманное вліяніе на нравы (267), цѣннаго, какъ средство популяризаціи философскихъ и моральныхъ идей (316), другіе нападаютъ на романы вообще, указывая что поэзія прикрашиваетъ дѣйствительность, а потому не можетъ давать правдивыхъ уроковъ (279, 246, 281), одни признаютъ пользу «хорошихъ» романовъ, другіе нападаютъ на «дурные» романы (263, 254, 288, 265, 266, 327, 283, 262, 278, 280, 282, 291); наконецъ, нѣкоторые приходятъ къ разумному выводу, что зло и добро, — не въ романахъ, а въ сердцахъ самихъ читателей (280). Любопытныя данныя находимъ мы также для характеристики читателя романовъ (244, 246, 251, 256, 257, 259 260, 264, 265, 266, 267, 270—1, 279, 262, 292).

Укажемъ на нѣсколько попытокъ дать «исторію романа» вообще, или видовъ его въ частности, уяснить различіе отдѣльныхъ видовъ его (290, 299, 274, 277, 269, 286, 296, 305, 321, 214, 250,

*) Перечень такихъ романовъ см. на стр. 312.

258, 263, 264, 248, 258, 249, 252, 275, 321—3); изъ мыслей касательно исторіи интересующаго насъ жанра любопытно выясненіе историко-литературнаго значенія христіанства (269), указаніе на то, что у всѣхъ народовъ исторія романа протекала сходно, выражаясь въ развитіи тождественныхъ «видовъ» (стр. 292), что въ творчествѣ человѣка мало новаго, что кажущаяся «новизна», въ сущности, сводится къ комбинаціямъ «стараго» (268, 304). Любопытны матеріалы для литературной исторіи повѣстей Мармонтеля (242), сказокъ «1001 ночи» (276, 278). Цѣнны выясненія, что такое литературный «типъ» (305, 304), какое различіе между творческимъ «гениемъ» и «школой» его учениковъ-подражателей (305, 309).

Въ заключеніе, намъ остается указать, что предисловіямъ къ романамъ и журнальнымъ статьямъ мы придаемъ особо-важное значеніе: предисловія писались обыкновенно людьми, интересующимися исторіей и теоріей этого жанра, и при томъ въ тѣхъ случаяхъ, когда автору, или переводчику, хотѣлось выдѣлить данное произведеніе, подчеркнуть то «новое слово», которое въ немъ сказано,—шаблонные романы въ предисловіяхъ не нуждались. Конечно, и журнальныя статьи сочинялись или переводились такія, которыя касались лишь интереснаго литературнаго явленія, или группы такихъ явленій. Слѣдовательно, и предисловія, и критическія статьи, выдѣляя существенное въ многообразной и многовѣковой жизни романа, должны служить изслѣдователю вѣрнымъ руководствомъ для установленія главнѣйшихъ отправныхъ пунктовъ для его будущихъ изысканій, для болѣ легкаго выдѣленія закономѣрнаго изъ случайнаго, для опредѣленія тѣхъ коренныхъ направленій, которыя вели исторію романа, и которыя совершенно теряются въ хаосѣ разнообразныхъ и безчисленныхъ произведеній, на первый взглядъ, не знающихъ органической послѣдовательности развитія, представляющихъ собою случайный конгломератъ безсвязныхъ фактовъ.

Въ самомъ дѣлѣ, стоитъ не надолго обратиться къ списку романовъ XVIII вѣка, чтобы сразу увидѣть множество фактовъ, могущихъ поставить всякаго втупикъ: самой популярной книги у насъ окажутся жизнеописанія Ваньки Каина (болѣ 10 изд.), тогда какъ одинъ изъ «царей» новаго романа—Ричардсонъ не удостоился ни одного повторнаго изданія; насъ поразитъ обиліе какихъ то «испанскихъ» и «французскихъ» повѣстей, о которыхъ ни слова не говорятъ наши матеріалы, и даже не упоминаетъ ни одна исторія литературы. Обратившись къ переводамъ, мы поражены будемъ той хронологической непослѣдовательностью, съ которой переводились у насъ романы разныхъ школъ и направленій; повидимому, эта непослѣдовательность свидѣтельствуетъ о полной спутанности литературныхъ вкусовъ: «псевдо-

классическій», даже «классическій», романъ доживаетъ у насъ до конца вѣка, переводится по нѣскольку разъ, и въ то же время первый «англійскій» появляется очень рано—въ 1760 г. (№ 65) и долго уживается рядомъ съ тѣми видами, смѣнить которые онъ долженъ былъ по существу своему. Но всѣ эти факты не могутъ опровергнуть намѣченнаго нами направленія въ развитіи романа: мы взяли *весь* русскій романъ—отъ лубочныхъ изданій до произведеній высшаго качества,—взяли цѣлкомъ, не справляясь съ литературными вкусами и развитіемъ переводчиковъ. Конечно, между Херасковымъ и какимъ-нибудь недоучившимся самоучкой-однодворцемъ—громадное разстояніе,—у нихъ не могли быть одинаковые вкусы и требованья. Отсюда пестрота и разнообразіе состава нашего списка. Если бы мы взяли всѣ романы, напечатанные, хотя бы, въ текущемъ 1903 году, мы столкнулись бы съ такою-же пестротой, съ такими же курьезами и неожиданностями.

Во всякомъ случаѣ, даже изъ «списка романовъ» мы безъ труда увидимъ, что «англійскій» романъ все растетъ въ числѣ къ концу вѣка; самая популярность романистовъ Арно, Мейснера, въ сущности, доказываетъ, что русскимъ людямъ XVIII вѣка англійскій романъ особенно пришелся по духу послѣ того, какъ прошелъ сквозь французскія и нѣмецкія горнила. Популярность Мармонтеля говоритъ намъ, что его повѣсти, выхваченныя изъ жизни, отвѣчали проснувшимся потребностямъ въ реальной повѣсти. Увлеченіе Фенелономъ и его многочисленными учениками—этими послѣдними псевдоклассиками, сумѣвшими въ своихъ произведеніяхъ отозваться на политическіе, философскіе и моральные запросы «просвѣщеннаго» вѣка, относится къ началу и первой половинѣ вѣка.

Знакомство со всѣми оригинальными русскими романами позволяетъ намъ замѣтить, что количество изданій, свидѣтельствующее о популярности книги, не было гарантіей того, что эта книга «дѣлала исторію». Такъ, вліяніе Руссо («Новая Элоиза») и Гете («Вертеръ») было гораздо плодотворнѣе у насъ, чѣмъ вліяніе Арно и Мейснера, хотя имена первыхъ писателей не такъ часто попадаютъ намъ въ списокъ. Быть можетъ, впрочемъ, они читались въ подлинникахъ, были многимъ знакомы, а потому и менѣе интересны для переводчика и издателя-коммерсанта.

Остается объяснить нѣкоторые знаки, встрѣчающіеся въ нашемъ списокѣ (*—означаетъ, что произведеніе печаталось въ журналѣ; †—означаетъ, что произведеніе оригинальное), и сдѣлать необходимую оговорку, что мы старались сохранить орфографію и пунктуацию подлинниковъ, исправляя лишь очевидныя ошибки. Благодаря тому, что огромное количество книгъ было нами просмотрѣно лично, удалось